

ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА ПАТРИКЕЕВА

доктор исторических наук, профессор кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах, исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: olpatrikeeva@yandex.ru

Статья посвящена малоизученной проблеме – возникновению парламентской журналистики в России в 1906–1917 гг.; появлению новых журналистских специальностей – парламентский корреспондент и парламентский фотокорреспондент; новых жанров отечественной публицистики: парламентский репортаж, парламентский фоторепортаж, интервью. Статья написана на основе воспоминаний, писем, дневников журналистов и депутатов Государственной думы, а также материалов периодической печати того времени и новых архивных документов.

Ключевые слова: парламентская журналистика, думские корреспонденты, парламентский репортаж, журналисты в Государственной думе.

Деятельность журналистов в Государственной думе Российской империи

Исследования по истории дореволюционного российского парламента многочисленны и разнообразны. Однако изучение этой темы все еще далеко от завершения. Как справедливо отмечает авторитетный отечественный исторический журнал, содержательная сторона деятельности Государственной думы Российской империи во многих своих аспектах пока еще остается «terra incognita»¹. Так, вне поля зрения исследователей до сих пор находятся проблемы становления парламентской журналистики в России. Об этом красноречиво свидетельствует полное отсутствие соответствующего раздела в учебниках и учебных пособиях по истории отечественной журналистики. В фундаментальной энциклопедии «Государственная дума Российской империи. 1906–1917», вышедшей в 2008 г., нет ни одной статьи, посвященной думским журналистам. К настоящему времени опубликовано лишь несколько работ, освещающих отдельные стороны деятельности прессы в дореволюционной Государственной думе².

Настоящая статья – одна из первых попыток проследить историю зарождения и становления российской парламентской журналистики. Материал для нее пришлось «по крупицам» извлекать из стенограмм думских заседаний, архивных документов, периодической печати того времени. Бесценным источником для написания статьи стали письма,

дневники, воспоминания участников тех давних событий: думских корреспондентов, служащих аппарата Государственной думы, депутатов³.

Датой «официального» возникновения в России парламентской журналистики принято считать 13 января 1995 г., когда вступил в силу Федеральный закон «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации». Однако еще в «Положении об Учреждении Государственной думы» от 20 февраля 1906 г. содержалось разрешение присутствовать на ее заседаниях «представителям выходящих в свет изданий повременной печати в числе, не превышающем количества отведенных для них мест»⁴. При Государственной думе Российской империи работало Общество думских журналистов, куда входили известные представители печати: М.М. Федоров (председатель правления), А.А. Пиленко (товарищ председателя, а с 1911 г. — председатель правления), М.М. Ганфман (секретарь правления), К.В. Аркадакский (казначей) и члены правления: С.А. Адрианов, С.С. Балабанов, А.И. Гессен, Б.Г. Косновский, В.И. Мисенко, Л.М. Неманов.

Думские корреспонденты стали новой разновидностью газетчиков. «Большинство пробило себе дорогу к этой профессии отчетами о выборах собраниях. Там они познакомились с новыми политическими деятелями и их мыслями, приучились быстро излагать речи и прения, — свидетельствовала известная писательница и журналистка Ариадна Владимировна Тыркова. — Это не так легко даже при писательских способностях. Хороший парламентский репортер должен прежде всего цепко следить за чужой мыслью, отчетливо ее схватывать, запоминать, быстро передавать главное, не увлекаясь завитушками и отсебятиной, которая так легко разгорается в воображении талантливого писателя»⁵. Сама А.В. Тыркова была одним из первых и лучших парламентских корреспондентов России. Она сняла большую квартиру в конце Кирочной улицы, недалеко от Таврического дворца, где заседала Государственная дума, и целыми днями пропадала на заседаниях. В то время женщины, пишущие в газетах, встречались редко, и свои статьи она подписывала мужским псевдонимом «Вергежский». «Это не были сухие отчеты о заседаниях — их давали другие — а живые зарисовки депутатов, передача разговоров в кулуарах, описание атмосферы, царившей на том или ином заседании»⁶, — вспоминал ее сын Аркадий. Сначала А.В. Тыркова писала думские репортажи для популярной тогда газеты «Русь». Современники считали «Русь» газетой «живой, энергичной, с большим темпераментом и отзывчивой на все малейшие движения общественной и политической жизни»⁷. Впоследствии А.В. Тыркова представляла в Думе кадетскую газету «Речь». Посланцами этого печатного органа в парламенте были также журналисты Л.М. Неманов и С.Л. Поляков-Литовцев, которые, по оценке П.Н. Милюкова,

«приобрели себе на этой работе всероссийское имя»⁸. Парламентским обозревателем влиятельной либеральной газеты «Русские ведомости» стал К.В. Аркадакский, ее бывший корреспондент во Франции. В декабре 1905 г. он вернулся в Россию и с апреля 1906 г. с началом работы общероссийского парламента вел в газете отчеты о заседаниях Государственной думы всех четырех созывов, писал заметки «Около Думы» и руководил думской хроникой.

Лидирующие позиции в освещении работы Государственной думы занимала столичная газета «Новое время». «Новое время» искренне и бесповоротно стоит за парламентаризм в европейском смысле этого слова»⁹, – выразил единодушное мнение редакции ее ведущий публицист М.О. Меньшиков. История первого российского парламента представляла на страницах этого издания живой, захватывающей и интересной. Признанным «королем думского репортажа» по праву считался сотрудник газеты Александр Александрович Пиленко. «Он страшный честолюбец... с большим размахом. Сейчас у него еще нет имени..., но он себе имя составит, за это ручаются его ловкость, энергия, ораторские способности и нахальство. В Государственной думе он для начала хочет занять место репортера от «Нового времени». Депутаты будут говорить, а он их будет критиковать в газете. Как далеко идут его мечтания, он в пылу увлечения проговорился: «Я хочу, чтобы мне поставили памятник...»¹⁰, – записала в своем дневнике известная петербургская писательница, сотрудница «Нового времени» С.И. Смирнова-Сазонова. Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета А.А. Пиленко оставил преподавательскую и научную карьеру, посвятив себя парламентской журналистике. Но и занимаясь журналистикой профессионально, он остался верен себе, став автором одного из первых юридических исследований деятельности российского парламента¹¹. К миссии парламентского корреспондента А.А. Пиленко готовился серьезно и основательно. «Дума не имеет смысла без прессы, – утверждал он, – Самая Дума важна лишь постольку, поскольку она через печать будет находиться в только парламентские репортажи в газету «Новое время», но и публиковал серьезные аналитические статьи¹⁷ о Государственной думе в «Московском еженедельнике», издававшимся Е.Н. Трубецким в 1906–1910 гг.

По свидетельству А.В. Тырковой, в Думе очень хорошо работал крайне важный в парламентской жизни стенографический отдел. «Состав стенографисток и ... корректоров тоже был отлично подобран, – вспоминала Ариадна Владимировна. – Депутатам и журналистам стенографические отчеты раздавались иногда в тот же день, под конец заседания»¹⁸. Однако так было не всегда. Во время работы I Государственной думы стенографические отчеты, как правило, публиковались с опозданием в 10–12 дней: отчасти по вине президиума,

слишком долго составлявшего текст отчетов, отчасти по вине государственной типографии, не имевшей четко организованных ночных рабочих смен. Бесперебойная деятельность думского стенографического отдела была налажена во многом благодаря стараниям А.А. Пиленко. «Где официальные стенографические отчеты заседаний?»¹⁹ – вопрошал он со страниц газеты «Новое время» и возвращался к этому вопросу снова и снова²⁰. «Пресса имеет право требовать, чтобы ей, в интересах общегосударственного дела, сообщались все несекретные документы своевременно и в надлежащем количестве»²¹, – настаивал журналист. Энергичный и неутомимый Пиленко не просто критиковал работу думского секретариата, но старался оказать ему посильную помощь: к примеру, собственноручно редактировал указатель к стенографическим отчетам заседаний Государственной думы²².

Опытные журналисты встречались и среди самих депутатов. Так, Г.Б. Иоллос, будучи сотрудником газеты «Русские ведомости», получил широкую известность своими «Письмами из Берлина» и, в частности, заметками «Из залы рейхстага». Став депутатом I Государственной думы от конституционно-демократической партии, «этот талантливейший наблюдатель и изобразитель парламентской борьбы»²³ помещал в газете «Русские ведомости» регулярные заметки «Из залы Государственной думы». Профессиональными журналистами были депутаты от ультраправых В.В. Шульгин и А.И. Савенко. Попад в Государственную думу, они продолжали сотрудничать с родным «Киевлянином» – одной из лучших и старейших провинциальных газет России, имевшей репутацию «правого, но честного печатного органа». Правые депутаты Думы: Г.Г. Замысловский, Н.Е. Марков, В.М. Пуришкевич, Г.А. Шечков постоянно публиковали статьи в правомонархической прессе: журнале «Мирный труд», выходившем в Харькове, газетах «День», «Курская быль», столичном еженедельнике «Прямой путь», где, «не стесняясь правдивых выражений», давали оценку думской деятельности «по заслугам»²⁴.

Одним из первых думских фоторепортеров стал известный столичный фотограф и кинооператор А.О. Дранков. Ряд удачных снимков принес ему звание «поставщика двора его величества» и возможность посылать фотографии во влиятельные иностранные журналы: английский «Times», французский «Illustration». В Государственной думе он представлял журнал «Иллюстрированная неделя», выходивший с 1906 г. в качестве приложения к кадетской газете «Речь». Фоторепортажи А.О. Дранкова из кулуаров Государственной думы, «ложи журналистов» вызывали неизменный интерес читателей²⁵.

Думская деятельность корреспондентов начиналась с аккредитации. Существовали два вида такой аккредитации: 1) персональная для журналистов, направляемых на постоянную работу в Думу, 2) на

предъявителя, когда аккредитационная карточка принадлежала редакции издания, направляющего корреспондентов на специальные задания. Кое-кто из журналистов попадал в Таврический дворец без всякой аккредитации. «Я пробрался в Думу «фуксом», — признавался знаменитый писатель и публицист В.В. Розанов, критикуя «безобразнейшие правила», по которым надлежало «за три дня подать председателю заявление о желании посетить Думу»²⁶.

22 апреля 1906 г., за пять дней до открытия первого российского парламента, представители прессы собрались в помещении Государственного совета, в Мариинском дворце, чтобы распределить места, отведенные печати в Государственной думе. Прессе выделялось всего 35 мест, и журналистам предстояло самим решить, кому их предоставить. На аккредитацию в Думе претендовали около ста различных изданий. Выбор достойных проходил в бурных многочасовых дебатах. «Провинция поднялась на Петербург, обвиняя его в излишней притязательности, инородцы на провинцию»²⁷, — делились впечатлениями очевидцы. В итоге петербургские газеты получили 13 мест, московские — 4, провинциальные и национальные — по 8. Одно место резервировалось для рабочей газеты, еще одно — для еженедельных и ежемесячных изданий. Однако этого оказалось явно недостаточно. (Для сравнения: во французском парламенте работало двести корреспондентов, в английском — двести пятьдесят).

Было решено хлопотать об увеличении числа мест для печати как в Государственной думе, так и в Государственном совете. Для посредничества между прессой и Государственной думой, для содействия приезжающим в Петербург сотрудникам провинциальных газет создавалось специальное бюро, куда вошли столичные журналисты: А.А. Пиленко, В.В. Святловский, И.В. Гессен, В.А. Бонди, московский журналист Н.П. Ашешов и несколько представителей провинциальных изданий.

Аккредитованным в Думе журналистам выдавались именные, без права передачи, билеты. «На билетах представителей печати должны быть наклеены фотографии, — информировали газеты. — Предложение снабдить фотографиями билеты для членов Государственной думы отвергнуто, так как признано неудобным. Состоящим при Думе чинам сыскальной полиции знать всех членов Государственной думы в лицо к 27 апреля»²⁸. Всех аккредитованных думских журналистов несколько раз заставили сфотографироваться. «...Мы сделали состояние электрической фотографии на Морской»²⁹, — ворчал А.А. Пиленко.

Большинство европейских парламентам предоставляло журналистам читальные залы, кабинеты для работы, рестораны, а австрийский рейхсрат — еще и возможность заводить собственные телефоны. Условия для работы их российских коллег были гораздо скромнее: в помещении

Государственной думы им выделялась лишь небольшая, расположенная рядом с думской библиотекой комната 35. «Она, безусловно, слишком мала, — констатировала пресса накануне открытия Думы. — Журналистов в этой комнате будет собираться ежедневно не менее ста, а в ней не поместится и половина этого числа»³⁰.

В зале заседаний Таврического дворца думским журналистам отводилась специальная ложа, для которой фирма «Ф. Мельцери и К°» изготовила по госзаказу лишь 34 кресла. Пришлось спешно оборудовать на хорах зала заседаний Государственной думы дополнительную «верхнюю ложу», уставив ее жесткими венскими стульями. «Господа кадеты! Пожалейте печать! Дайте ей человеческие условия работы! — взывал А.А. Пиленко к руководителям I Государственной думы. — Первые два ряда пресловутой «верхней» ложи еще видят и слышат что-нибудь, третий и четвертый ряды нередко стоят часами на стульях, тесно улавливая речи ораторов и абсолютно ничего не видя»³¹. Теснота и удаленность «верхней ложи» неприятно удивили и В.В. Розанова, отмечавшего, что хоры «очень непоместительны, и по величине залы — далеки от председателя и от оратора», и журналисты видят депутатов «или с затылка, или в профиль»³². «...Только те что-нибудь видят и слышат, кто у самых перил... Вся остальная масса ничего не видит и не слышит. Это я заявляю во всеуслышание, как жалобу перед страной»³³, — поддержал своих коллег М.О. Меньшиков, посетивший Думу в первые дни ее работы.

Во II Государственной думе на 73 выделяемых для прессы места оказалось около двухсот заявок. 14 февраля 1907 г. в Мариинском дворце начался «бурный бой за места»³⁴, прежде всего среди столичных изданий. Представители петербургской оппозиционной печати дружно проголосовали против клерикальной газеты «Колокол», заявив, что это орган «черносотенный и официозный». Редактор газеты В.М. Скворцов, входивший в состав Главной палаты Союза имени Михаила Архангела, одновременно являлся ее политическим обозревателем и парламентским корреспондентом. От прочих консервативных проправительственных изданий «Колокол» выгодно отличался живостью изложения, оперативностью подачи информации. Тогда газете помогло лишь заступничество А.В. Тырковой. «“Колокола” я никогда не читала, как не читала никаких правых газет, — вспоминала Ариадна Владимировна, — Я самоуверенно воображала, что наперед знаю, что они скажут, что ничего разумного от них не услышишь. Но я знала, что “Колокол” читается по всей России, что его выписывают многие благочестивые люди, в особенности сельские священники. Нельзя же лишать этих читателей возможности узнавать о Думе по отчетам той газеты, которой они доверяют больше, чем оппозиционной прессе»³⁵. Под напором журналистов количество мест для прессы во II Государственной думе уве-

личилось до 89. 28 мест получили петербургские и московские газеты, 54 места досталось провинциальной и национальной печати, 7 мест — еженедельным и ежемесячным изданиям. «...Думского хроникера, делающего тяжелую работу, нужно устроить, во всяком случае, не менее комфортабельно, чем думского депутата»³⁶, — требовал А.А. Пиленко в преддверии открытия II Государственной думы.

С началом деятельности III Думы число парламентских корреспондентов сократилось до 54 человек, уменьшился и перечень изданий, получивших аккредитацию. Кроме того, всю думскую прессу разместили в верхней ложе, куда корреспонденты проходили особым ходом, не имевшим сообщения с помещениями, предназначенными для членов Государственной думы. Думских журналистов для их идентификации обязали носить специальные значки. Такой порядок устанавливался особым Высочайшим повелением от 23 октября 1907 г. и просуществовал до 1917 г. «Прессу посадили с трибуны под потолок, потому она страшно зла»³⁷, — отмечала в своем дневнике в день открытия III Думы С.И. Смирнова-Сафонова. Журналисты, вынужденные сидеть в верхней ложе, жаловались на духоту и плохую акустику. Акустические условия Государственной думы и вправду были крайне неудовлетворительными. «С акустикой этой много возились, ставили перегородки, снимали их, вешали занавески и тоже снимали, — вспоминал депутат С.И. Шидловский, — Была образована даже научная комиссия для нахождения способов улучшения акустики, ...но это ни к чему не привело, и акустика оставалась такая же невозможная»³⁸. «...За ораторской кафедрой, сзади председательского места, приходится не сплошная стена, а ряд колонн, и за ними — нечто вроде громадного балкона-фонаря, — со знанием дела писала пресса. — В этом фонаре получается мертвое пространство, нечто вроде воздушной подушки, в которую голос и проваливается бесследно»³⁹.

По ходатайству председателя Думы Н.А. Хомякова новым высочайшим повелением от 21 ноября 1907 г. в нижнюю ложу по специальным пропускам допустили 18 журналистов. «...С этого времени началась сушая вакханалия: господа журналисты вместо того, чтобы проходить в назначенную им ложу, стали торчать в отведенных для членов Думы помещениях безысходно, стали приставать к депутатам, прямо не давая им прохода, распространять всякие гадкие слухи, сплетни, не брезгуя подслушиванием»⁴⁰, — негодовали депутаты от правомонархических партий. А товарищ председателя Государственной думы князь В.М. Волконский даже предложил изолировать журналистов нижней ложи от депутатов специальной решеткой. «Нереволюционная часть членов Думы признает необходимым и крайне полезным полное разобщение между представителями печати и членами Думы хотя бы в стенах Таврического дворца»⁴¹, — настаивала ультраправая пресса.

История дореволюционной российской парламентской журналистики — это, во многом, история противостояния депутатов от правых политических партий с одной стороны и журналистов, представлявших в Думе оппозиционную, прежде всего либеральную, печать — с другой. «Ни чести, ни ума, без искры дарованья, сплошные слова шулера...»⁴², — ругал думских корреспондентов В.М. Пуришкевич в одном из своих стихотворений.

Ложу печати в Государственной думе остроумно и зло называли «чертой оседлости», поскольку подавляющее большинство думских корреспондентов были евреями. «Среди сотни думских репортеров виднелось не более десятка русских физиономий»⁴³, — сетовал депутат от ультраправых Н.Е. Марков. «В Думе существует целая артель евреев, «гессенская кухня», распределяющих между собой работу и меняющихся отчетами»⁴⁴, — свидетельствовал А.А. Пиленко. А.С. Суворин так объяснял этот феномен: «Это явление историческое. Первыми публицистами были еврейские пророки, и все христианство до сих пор воспитывается на Библии, таким образом, как бы самой судьбой предназначено и христианской печати быть воспитанной евреями и сделаться еврейской»⁴⁵. Отношение депутатов от правых политических партий к думским журналистам отличалось крайней враждебностью и нетерпимостью. Особенно раздражало правых вполне объяснимое стремление корреспондентов-евреев подписывать свои статьи вымышленными фамилиями. «Какие типы, какие носы и уши! Просто поражаешься! И все псевдонимы, а не люди!, — с издевкой писала ультраправая пресса о журналистах-евреях, — И эти господа, у которых все фальшиво, лгут в печати до невозможности»⁴⁶. В.М. Пуришкевич даже составил специальную «Ведомость о евреях, сотрудниках левых газет, пишущих под своими или вымышленными именами»⁴⁷.

Большинство парламентских журналистов представляли левые газеты, и Думе явно не хватало посланцев правых изданий. Популярный оппозиционный публицист А.С. Изгоев выделял два типа сотрудников правых газет: уволенные за пьянство и взятки «полицейские крючки» и «раскаявшиеся революционеры». Появление в подобных изданиях «оригинальных» журналистов, было, по мнению А.С. Изгоева, большим праздником для правой печати⁴⁸. Редактор газеты «Московские ведомости» и лидер Русской монархической партии В.А. Грингмут неоднократно обращался с просьбой к известному общественному деятелю правого толка Б.В. Никольскому стать парламентским корреспондентом газеты в Государственной думе и Государственном совете⁴⁹. Даже в III Думе, большинство депутатов которой оказалось «правее кадетов», пресса по-прежнему оставалась в руках оппозиции. Список изданий, не воспользовавшихся до января 1911 г. местами, предоставленными им Главным управлением по делам

печати, возглавляли печатные органы правомонархических политических партий и союзов – «Московские ведомости» и «Русское знамя»⁵⁰. «Представителей правой печати бесцеремонно изгоняли из Думы наглые газетные «товарищи», руки которых более привыкли держать бомбы, чем перья»⁵¹, – объясняли сложившуюся ситуацию ультраправые.

Одной из причин отставки Н.А. Хомякова с поста председателя III Государственной думы стал конфликт с депутатами правых фракций, обвинявшими его в «попустительстве» левым журналистам⁵². Депутатов от правых партий и союзов особенно раздражали командированные в Государственную думу женщины-журналистки, представлявшие оппозиционную прессу. На взгляд правых, эти последние по преимуществу занимались в стенах Думы «пропагандой» и «замариновыванием интеллигентных депутатов», прекрасно понимая, что депутаты-крестьяне «мало доступны чарам женской красоты». Представители правых парламентских фракций призывали оградить депутатский корпус от «тучи вопрошателей и вопрошательниц, пристающих в кулуарах»⁵³. Журналисты же, напротив, считали, что всякое приближение представителя прессы к члену Думы «производит среди думской охраны настоящий переполох»⁵⁴.

Депутаты смотрели на журналистов как на «передаточное звено». Лишь пресса могла рассказать населению России о том, что происходит в стенах Таврического дворца. Стенографические отчеты печатались с опозданием и весьма незначительным тиражом и других средств извещения, кроме ежедневных газет, не существовало – и именно газетная подача материала «увлекала умы». «Открытие Думы вызвало большую потребность в газетах»⁵⁵, – свидетельствовали современники. Любимцем думских журналистов стал депутат от Конституционно-демократической партии, блестящий московский адвокат, прекрасный оратор В.А. Маклаков. «Когда он говорил, – вспоминала А.В. Тыркова, – легко было написать захватывающий отчет»⁵⁶.

«Через три месяца сама публика будет жаловаться, если ей давать бесконечные столбцы о Думе. Она устанет читать речи, речи, речи»⁵⁷, – предостерегал главный редактор «Русского слова» знаменитый В.М. Дорошевич. Особую популярность у читателей приобрел раздел «из кулуаров Государственной думы». В кулуарах депутаты, как правило, откровеннее, чем на официальных заседаниях. Здесь разгорались дискуссии, подчас более бурные и интересные, чем в зале заседаний Таврического дворца. «Понять, уловить дух кулуара – задача нелегкая и, главное, необходимая для политической газеты и весьма интересная для читателей»⁵⁸, – со знанием дела отмечали журналисты того времени. «Кулуарная жизнь» депутатов и журналистов протекала в основном в просторном фойе – бывшем бальном зале Таврического дворца.

«Кулуары с каждым днем приобретают все большее значение, пожалуй, не меньшее, чем зал, — свидетельствовал журналист А.Л. Цитрон. — Здесь бьется пульс Думы, здесь неприкрашенная правда, истинное настроение обрисовывается вовсю. Здесь ораторы не стеснены торжественностью зала заседания... Там каждое слово вносится в отчет и передается на всю Россию... Здесь же истинное настроение палаты; ничем неприкрашенные интересы ярко выступают наружу и противоречия этих интересов никем не скрываются... Это маленькие митинги, где каждый высказывает свое мнение, где все говорят сразу и горячатся, где все равны друг перед другом»⁵⁹. В Государственной думе существовала практика выдачи специальных «кулуарных» билетов представителям периодических изданий⁶⁰. «Первое место в газете стали занимать так называемые репортеры-кулуарники. Это были очень юркие молодые люди, которые ранее околачивались в передней канцелярий и секретарей, иногда — с черного хода — добравшиеся даже до министерских квартир. ... С открытием Думы эти молодые люди расхаживали целыми стаями по коридорам Таврического дворца и собирали слухи и сплетни. По существу, кулуарники были люди беспартийные, но каждый имел своего излюбленного депутата... Кулуарники размазывали крупички сообщений на большое количество строк и, можно сказать, катались, как сыр в масле. Они получали жалованье, построчный гонорар и, кроме того, некоторую сумму на представительство, которое протекало, главным образом, в буфете. Вообще, они представляли собой аристократию прессы»⁶¹, — рассказывал А.Р. Кутель, часто посещавший заседания Государственной думы.

Весной 1908 г. российский парламент впервые обсуждал государственный бюджет. Докладчиком по бюджетному вопросу выступал блестящий экономист, тогдашний министр финансов В.Н. Коковцов. «Маленький, седенькая борода лопаточкой, голос глуховатый, однообразный, но неутомимый. Коковцов мог говорить час, два, три, ровно, без интонаций, без переходов. Нас, журналистов, он приводил в отчаяние, в ярость. Извольте часами слушать один и тот же голос, да еще слушать внимательно, записывать цифры, отмечать факты, аргументы. Все-таки говорит не первый встречный, а министр финансов. Выйдет неладно, если перевернешь его речь...»⁶², — вспоминала А.В. Тыркова. Нужно было оперативно, как правило, при остром дефиците времени понять суть выступления, схватить главное, выбрать ключевую цитату и, переложив в расчете на массовую аудиторию, сообщить в редакцию. По сути дела, журналист проводил первоначальную сложную и ответственную аналитическую работу. «...Утро, начиналось с того, что вся ложа печати белела шуршащими листами плотной, добротной бумаги. Мы торопились хоть одним глазом заглянуть в длинные столбцы с миллионными цифрами, в объемистые отчеты, где разные ведомства подробно рассказывали, откуда эти миллионы

пришли, куда они ушли. Поймать гвоздь речи, сущность вопроса, да еще нового, всегда нелегко... Никому не хотелось обнаруживать свое невежество, смазать, напутать, вообще провалиться»⁶³. Образованный российский читатель пристально следил за бюджетными дебатами в Думе. Благодаря общедоступности газетных отчетов по государственному бюджету зарождался общественный контроль над ведомственными расходами.

Наиболее опытные журналисты посещали заседания думских комиссий, которые создавались для предварительной разработки подведомственных Думе дел, а также для решения хозяйственных и других вопросов. У А.А. Пиленко, по свидетельству С.И. Смирновой-Сазоновой, имелся специальный, «от охраны», билет, с которым он «попадал даже экспертом в комиссию»⁶⁴. «Известно, что во всяком общественном учреждении главная, основная, черная, но плодотворная работа делается в комиссиях, — писал А.А. Пиленко, — Недаром в Государственной думе установился взгляд: в общем собрании нетрудно выступать, а ты пойдешь да посиди в комиссии...»⁶⁵. (Впоследствии опыт «комиссионной работы» очень ему пригодился: в 1911 г. А.А. Пиленко был избран гласным Петербургской городской думы). Участие новременского корреспондента в работе думских комиссий порой приводило к конфликту с депутатами — членами комиссий. Так, в начале 1908 г. А.А. Пиленко опубликовал в газете «Новое время» серию заметок и статей⁶⁶, где резко критиковал работу комиссий III Государственной думы и, в частности, деятельность комиссии по народному образованию. «Обвинение в бездеятельности и дармоедстве в настоящее время является настолько серьезным, что его нужно предъявлять с большой осторожностью, остерегаясь ради «полноты и законченности» обличительной статьи незаслуженно оскорблять целые группы лиц»⁶⁷, — с негодованием писал А.А. Пиленко председатель думской подкомиссии по низшим учебным заведениям Е.П. Ковалевский.

К началу XX в. огромную популярность в России приобрел новый газетный жанр — интервью. Русское слово «беседа», первоначально стоящее в заголовках, не прижилось, а иностранный термин стал понятен и вызывал интерес у российской читающей публики. Этот жанр периодики прочно обосновался на страницах отечественных газет с началом работы Государственной думы. В интервью известные политики, общественные деятели, депутаты анализировали расстановку политических сил в стране, взвешивали их шансы на успех в предвыборных кампаниях, знакомили читателей со своими политическими взглядами и программами. «Кадетские лидеры продолжают усиленно интервьюироваться»⁶⁸, — констатировало «Новое время» накануне открытия I Государственной думы. А.Р. Кугель так оценивал данное газетное новшество: «Этот род искажения чужих слов,

мыслей и мнений, обычно сугубо перевернутых репортером, «оживлял» газету пестротой популярных имен. Газета делала рекламу интервьюируемым. Интервьюируемые делали рекламу газете»⁶⁹. Применение жанра интервью, выстроенного по схеме «вопросы-ответы», вызвало изменения в статусе и читательском восприятии журналиста и газеты: ведь внимание читателей привлекалось уже не только к интервьюируемому, но и к личности самого интервьюера. Ранее обезличенный журналист, отождествляемый читателем со своей газетой, приобретал собственное лицо, становился общественной фигурой. Его интеллект, ирония, сарказм, умение «выжать» из собеседника нужную информацию вызывали уважение и интерес читателя к личности интервьюера. Журналист, берущий интервью у «сильных мира сего», демонстрировал аудитории свою близость к могущественным персонам, повышая таким образом свой социальный статус. Любое интервью требует определенной подготовки. Особенность парламентского интервью связана с необходимостью знать политическую позицию интервьюируемого, расстановку политических сил в парламенте. «...Готовясь к нашей тяжелой работе думских обозревателей, мы до открытия Думы изучили все имена, отрывки из биографий, промелькнувшие в печати, партийную дифференциацию...»⁷⁰, — вспоминал один из парламентских корреспондентов того времени.

Жанр интервью вызывал особую настороженность депутатов от правых политических партий и союзов: интервьюерами, как правило, выступали корреспонденты либеральных изданий. «Всеми уважаемый Николай Алексеевич» ...на интервью не скупится»⁷¹, — с осуждением писали правые о Н.А. Хомякове. «Путь оглашения политическими деятелями своих взглядов через посредство третьих лиц — гг. интервьюеров, есть путь крайне неудобный, он приводит к затемнению того, что хотят передать»⁷², — настаивал один из лидеров правых в III Государственной думе Г.А. Шечков. Депутаты от левых и умеренных партий, напротив, охотно отвечали на вопросы корреспондентов. Особенно много давал интервью лидер «Союза 17 октября», один из председателей III Думы А.И. Гучков, в отличие от руководителей других политических партий сам никогда не писавший газетных статей и предпочитавший излагать свои политические взгляды в беседах с журналистами. (Примечательно, что даже свои воспоминания лидер октябристов оставил в форме пространныго интервью⁷³).

Работа талантливых журналистов щедро оплачивалась владельцами изданий, которые они представляли в Думе и Госсовете. Так, А.А. Пиленко зарабатывал своими думскими отчетами в «Новом времени» очень внушительную по тем временам сумму: до 150 рублей в день⁷⁴. «Встретила в конторе «Нового времени» Пиленку. Он все толстеет и выглядит не журналистом, а банкиром»⁷⁵, — записала в конце 1910 г. в

своем дневнике С.И. Смирнова-Сазонова.

Дореволюционная Государственная дума, как известно, просуществовала с 1906 по 1917 г. «За эти одиннадцать лет — отмечала А.В. Тыркова, — думские журналисты сумели создать себе в русской прессе место и видное, и выгодное. Многие из них любили свое ремесло, гордились им. Иногда путали, привирали, преувеличивали таланты своих любимцев, замалчивали здравые мысли, удачные слова своих политических противников. Но большинство были честные газетные работники, старались давать читателям верную информацию и не спекулировали на парламентских делах, на газетных заметках, как это часто делается в европейской прессе»⁷⁶.

Итак, следствием учреждения в России Государственной думы стало создание отечественной парламентской журналистики; появление новых журналистских специальностей — парламентский корреспондент и парламентский фотокорреспондент; появление и распространение новых газетных жанров — парламентский репортаж, парламентский фоторепортаж, интервью. Парламентская журналистика явилась организатором диалога между властью и обществом. Лучшие парламентские корреспонденты того времени, такие как А.А. Пиленко, А.В. Тыркова, не просто описывали законотворческий процесс, но и косвенно в нем участвовали, работая в думских отделах и комиссиях, открыто демонстрируя свою гражданскую позицию.

¹ *Могилевский К.И., Циунчук Р.А., Шелохаев В.В.* Государственная дума России как историографическая проблема // Вопросы истории. 2007. 11. С. 3.

² *Горчева А.Ю.* Пресса и Государственная дума (1906–1917) // Вестник Московского университета. Серия «Журналистика». 2000. 4. С. 30–41; *Махонина С.Я.* Русская революционная печать (1905–1914). М., 1991; *Подсумкова А. А.* Государственная дума и периодическая печать России в начале XX в.: Автореф. дисс. ... к. ист. н. М., 1996; *Родионова Т.С.* Русская общественно-политическая газета в преддверии открытия Первой Государственной думы // Из истории русской журналистики (1702–2002). М., 2002. С. 156–169; *Федоров И.Н.* Парламентская журналистика как феномен качественных изменений в политическом процессе России начала XX века (на примере Первой Государственной думы) // Актуальные проблемы политики и политологии в России: Сб. ст. М., 2009. С. 175–181.

³ См., напр.: *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917: Дневник и воспоминания / Вст. ст., подг. текст., биограф. словарь и коммент. Б.М. Витенберга. М., 2001; *Кутель А.Р.* 1) Листья с дерева. Л., 1926; 2) Литературные воспоминания // Былое. 1923. 21. С. 95–117; *Марков Н.Е.* Войны темных сил. М., 2002; *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 2; *Тыркова-Вильямс А.В.* То, чего больше не будет: Воспоминания. М., 1998; *Шидловский С.И.* Воспоминания. В 2-х частях. Берлин, 1923.

⁴ Учреждение Государственной думы. Ст. 43 // Государственный строй Российской империи накануне крушения. Сб. законодательных актов. М., 1995. С. 76.

⁵ *Тыркова-Вильямс А.В.* Указ. соч. С. 418.

⁶ *Борман А. А.В.* Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувэн; Вашингтон, 1964. С. 81–82.

⁷ *Снеессарев Н.* Мираж «Нового времени»: почти роман. СПб., 1914. С. 15.

⁸ *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 8.

⁹ *Меньшиков М.О.* Письма к ближним. Два дня в парламенте // Новое время. 1906. 14 мая.

¹⁰ Дневник Смирновой-Сазоновой С.И. Январь–сентябрь 1906 г. // РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. Оп. 1. Д. 48. ЛЛ. 156–157.

¹¹ См.: *Пиленко А.А.* Русские парламентские прецеденты. СПб., 1907.

¹² *Пиленко А.А.* Государственная дума и печать // Новое время. 1907. 21 января.

¹³ Письма А.А. Пиленко к А.С. Суворину. 1904–1910 гг. // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 3293. Л. 6.

¹⁴ *Кугель А.Р.* Листья с дерева. С. 170.

¹⁵ См.: *Водовозов В.В.* Еще по поводу думских заседаний 16–17 апреля / Товарищ. 1907. 21 апреля.

¹⁶ *Пиленко А.А.* В Государственной думе // Новое время. 1907. 14 марта.

¹⁷ См., напр.: *Пиленко А.А.* 1) Монархисты и их приемы // Московский еженедельник. 1909. 11. Стб. 21–26; 2) Обзор первой полусессии // Там же. 1909. 2. Стб. 17–26; 3) Работа оппозиционных депутатов // Там же. 1909. 6. Стб. 15–26; 4) Штаты морского генерального штаба // Там же. 1909. 15. Стб. 27–38.

¹⁸ *Тыркова-Вильямс А.В.* Указ. соч. С. 400.

¹⁹ *Пиленко А.А.* Открытое письмо князю Д.И. Шаховскому // Новое время. 1906. 19 мая.

²⁰ См., напр.: *Пиленко А.А.* 1) Дума и пресса // Новое время. 1906. 26 мая; 2) Государственная дума // Новое время. 1907. 18 марта.

²¹ *Пиленко А.А.* Вниманию думского президиума // Новое время. 1906. 27 июня.

²² См.: *Фон-Резон А.К.* Об особенных правах выборных членов Государственного совета и членов Государственной думы // Журнал Министерства юстиции. 1909. 8. С. 120.

²³ *Кизеветтер А.А.* «Русские ведомости» и I Государственная дума // «Русские ведомости». 1863–1913. Сб. ст. М., 1913. С. 96.

²⁴ Редакция журнала // Прямой путь. 1909. С. 1.

²⁵ См., напр.: Иллюстрированная неделя. 1906. 7. С. 7; 12. С. 4–7.

²⁶ *Розанов В.В.* В Таврическом дворце // Когда начальство ушло... 1905–1906 гг. СПб., 1910. С. 209.

²⁷ *Н.Е. К-ъ.* Печать перед своим входом в Государственную думу // Новое

время. 1906. 24 апреля.

²⁸ Хроника // Наша жизнь. 1906. 25 апреля.

²⁹ *Пиленко А.А.* Государственная дума и печать // Новое время. СПб., 1907. 21 января.

³⁰ *Ф.Д.* Два часа в Государственной думе // Торгово-промышленная газета. 1906. 18 февраля.

³¹ *Пиленко А.А.* Дума и пресса // Новое время. 1906. 26 мая.

³² *Розанов В.В.* Указ. соч. С. 215.

³³ *Меньшиков М.О.* Письма к ближним. Два дня в парламенте // Новое время. 1906. 14 мая.

³⁴ *Н.П.* Печать в Мариинском дворце // Товарищ. 1907. 15 февраля.

³⁵ *Тыркова-Вильямс А.В.* Указ. соч. С. 455.

³⁶ *Пиленко А.А.* Государственная дума и печать // Новое время. 1907. 21 января.

³⁷ Дневник Смирновой-Сазоновой С.И. Июнь–ноябрь 1907 г. // РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. Оп. 1. Д. 51. Л. 392.

³⁸ *Шидловский С.И.* Указ. соч. Часть I. С. 114.

³⁹ Хроника. В Государственной думе // Маленькая газета. 1906. 29 марта.

⁴⁰ *Юрский Г.Г. [Замысловский Г.Г.]* Правые в Третьей Государственной думе. Харьков, 1912. С. 152.

⁴¹ Хроника // Земщина. 1909. 28 октября.

⁴² *Пуришкевич В.М.* Законодатели: пьеса в стихах и двух картинах. СПб., 1909. С. 55.

⁴³ *Марков Н. Е.* Указ. соч. С. 306.

⁴⁴ Письма А.А. Пиленко к А.С. Суворину. 1904–1910 гг. // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 3293. Л. 5.

⁴⁵ Цит. по: *Набоков В.Д.* Из истории обновленного законодательства о печати // Свобода печати при обновленном строе. СПб., 1912. С. 20.

⁴⁶ *Скворцов В.М.* Думское гетто // Колокол. 1907. 2 марта.

⁴⁷ *Шевцов А.В.* Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века. СПб., 1997. С. 156.

⁴⁸ *Изгоев А.С.* На перевале. (Под флагом примирения) // Русская мысль. 1914. Кн. 12. С. 170.

⁴⁹ См., напр.: Письмо В.А. Грингмута к Б.В. Никольскому от 21 апреля 1906 г. // ГА РФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 222. ЛЛ. 13–14.

⁵⁰ Государственная дума. 3-й созыв. 4-я сессия. Справочник. СПб., 1911. Вып. 3. С. 194.

⁵¹ Печать в Думе. (Письмо депутата) // Колокол. 1907. 4 ноября.

⁵² *Юрский Г.Г. [Замысловский Г.Г.]* Указ. соч. С. 152.

⁵³ Печать в Думе. (Письмо депутата) // Колокол. 1907. 4 ноября.

⁵⁴ Хроника // Товарищ. 1907. 15 февраля.

⁵⁵ *Пешехонова А.Ф.* Былое: Воспоминания. 1905–1919 гг. // ОР РНБ. Ф. 581. Оп. 1. Д. 70. Л. 51.

⁵⁶ *Тыркова-Вильямс А.В.* Указ. соч. С. 485.

⁵⁷ Цит. по: Менделеев А.Г. Жизнь газеты «Русское слово»: Издатель. Сотрудники. М., 2001. С. 16.

⁵⁸ С. А-чь. Представители печати в Государственной думе // Двадцатый век. 1906. 14 апреля.

⁵⁹ Цитрон А.Л. 72 дня первого русского парламента. 2-е изд. СПб., 1906. С. 66.

⁶⁰ Хроника. Государственная дума // Новое время. 1907. 25 марта.

⁶¹ Кугель А.Р. Листья с дерева. С. 183.

⁶² Тыркова-Вильямс А.В. Указ. соч. С. 483–484.

⁶³ Там же. С. 488.

⁶⁴ Дневник Смирновой-Сазоновой С.И. Январь–июнь 1907 г. // РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. Оп. 1. Д. 50. Л. 313.

⁶⁵ Пиленко А.А. Стародумцы и обновленцы. СПб., 1912. С. 15.

⁶⁶ См.: Пиленко А.А. 1) В Государственной думе // Новое время. 1908. 9 января; 2) Государственная дума // Новое время. 1908. 10 января; 3) Парламентские заметки // Новое время. 1908. 12 января.

⁶⁷ Письмо Е.П. Ковалевского к А.А. Пиленко от 13 января 1908 г. // РО ИРЛИ РАН. Ф. 340. Оп. 4. Д. 56. Л. 6.

⁶⁸ Хроника // Новое время. 1906. 5 апреля.

⁶⁹ Кугель А.Р. Литературные воспоминания. С. 102.

⁷⁰ Волин Ю. Думские силуэты // Думская неделя. 1906. Вып. 1. С. 5.

⁷¹ Юрский Г.Г. [Замысловский Г.Г.] Указ. соч. С. 153.

⁷² Шечков Г.А. Не прямой путь // Прямой путь. 1909. 12–13. С. 7.

⁷³ См.: Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания Председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства / Авт. предисл. В.И. Старцев. Авт. коммент. и примеч. С.М. Ляндрес и А.В. Смолин. М., 1993.

⁷⁴ Дневник Смирновой-Сазоновой С.И. Январь–сентябрь 1906 г. // РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. Оп. 1. Д. 48. Л. 488.

⁷⁵ Дневник Смирновой-Сазоновой С.И. Ноябрь 1910–май 1911 гг. // Там же. Д. 57. Л. 434.

⁷⁶ Тыркова-Вильямс А.В. Указ. соч. С. 418.